

АНГЛИЧАНКА В СИБИРИ

Режиссер Кэти Митчелл любит Чехова и Горького

Кэти Митчелл
съемки - 1998.
- 23 мая - с. 7

Майя Крылова

— Что именно?

— Строгость и научная определенность, с которой он анализирует актера. Как использовать актера, освободить его воображение.

— Чем вас привлек проект Британского совета, связанный с Сибирью?

— Вы говорите с человеком, для которого книги Достоевского («Записки из Мертвого дома») и Солженицына («Архипелаг ГУЛАГ») необыкновенно важны. Моя первая задача — побывать в тех местах, о которых они писали. Меня интересует также сегодняшняя общественная и политическая ситуация. Поэтому мне нравится идея представить английское искусство не только в Москве и Петербурге, но и в глубине России — в Томске, Новосибирске, Красноярске.

— То есть спектакль будет поставлен в Англии и показан в Сибири?

— Да, но специфика моей поездки в том, что по ее результатам и будет выбрана пьеса для постановки и место для представления.

— Я пока не знаю аудитории. Мне не хотелось бы нападать на нее внезапно. И я должна рассказать своим актерам, чего им ждать от этого турне. Если просто сказать английскому актеру «поехали в Сибирь» — он вас pošлет далеко-далеко... (Смеется.)

— Но чтобы понять, что такое Сибирь, нужно приехать туда не летом, а зимой...

— Я знаю. (Смеется.) Но в мире нет совершенства. Я уже пыталась побывать в Сибири в прошлый свой приезд, это было как раз зи-

мой, но самолетный рейс все время откладывали из-за нелетной погоды. И вообще — слова «сибирский экспресс» в любое время года звучат заманчиво.

— В каком театре Лондона будет поставлен ваш сибирский спектакль?

— Это будет или Национальный, или Шекспировский театр. Мы поиграем пьесу в Лондоне, обкатаем ее, а потом привезем в Россию. Я еще не знаю, какой будет наша сценическая площадка в Сибири — может быть, депо, склад, неработающая фабрика или ангар... Мне кажется, что игра на такой площадке привлечет много молодежи в зрительный зал. Для Англии это очень важно.

— Вы дали в Москве мастер-класс по постановкам пьес Шекспира?

— Да. В университете я специализировалась на английском классическом театре XVI века. Много лет работала как ассистент режиссера при постановках шекспировских пьес — «Много шума из ничего», «Король Лир», «Тит Андроник»... Шекспира ставить неимоверно трудно, я чувствую, что еще слишком молода для этого. Поэтому я люблю делать мастер-классы с разбором какого-нибудь маленького эпизода, анализируя возможность.

— Вы ставили не только европейскую классику, но и две пьесы Горького. Чем он вам интересен?

— Я знаю, что у вас Горький ассоциируется с идеологией, которая господствовала в России много десятилетий. И я бы не стала ставить Горького в России. Но в Англии его пьесы воспринимаются совершенно в другом контексте. До прошлого года мы жили при консервативном правительстве, и для меня была очень важна именно такая пьеса, как «Васса Железнова», в которой рассматривалась ситуация с «железной леди». Грубо говоря, героиня Горького была портретом Маргарет Тэтчер. Для меня это замечательный пример того, как национальные особенности страны меняют смысловой контекст.

— Как правило, на Западе к Горькому обращаются режиссеры левых политических взглядов, как, например, Ариана Мнушкин...

— Я член лейбористской партии. И, конечно, прошлый год в смысле политики был для меня очень важен — партия, чьи поли-

тические установки мне близки, опять вернулась к управлению Великобританией.

— А что привлекло вас в пьесе «Последние»?

— Я ставила ее в Ирландии. Это было для этой страны даже слишком остро, потому что речь у Горького идет о церкви и коррупции в полиции. Аудитория воспринимала постановку с трудом — все оказалось очень болезненным. В отличие от «Вассы», которая принималась с огромным успехом.

— Что, по вашему мнению, изменилось в восприятии пьесы Александры Галина «Звезды на утреннем небе», когда вы поставили ее в Англии? Сюжет о проститутках, высланных из нашей столицы по случаю Олимпийских игр, как представляется, достаточно крепко привязан к советским реалиям...

— Я видела постановку Льва Додина в России, и мне очень понравилась пьеса. Я не воспринимаю это произведение как рассказ о частном курьезе истории, для меня это повод поразмышлять о глобальных вещах. Конечно, это пьеса о России, но для английской аудитории было открытием, что героиня русской советской пьесы может быть проститутка. Пьеса Галина заглядывала внутрь вашего образа жизни, вскрывала его суть.

— И последовал довольно неожиданный переход — от «определенного» Горького и достаточно публицистического Галина — к «неопределенному» Чехову: вы поставили недавно «Дядю Ваню» в театре Олд Вик...

— Это получилось под впечатлением от прекрасной постановки Някрошюса. Он заставил меня влюбиться в эту пьесу. Его постановка была такой утонченной, а дядю Ваню играл очень молодой актер. Была нарушена традиция представлять этот персонаж пожилым, с седой бородкой. Возможность изменить свою жизнь звучала — из-за молодости — очень пронзительно и актуально: впереди была целая жизнь. Някрошюс объяснял мне, что герой борется за «кислород», за право свободно дышать.

— Я использовала Горького как «разбег» к Чехову. Безусловно, Горького понять гораздо легче. Безумно трудно «диагностировать», почему Чехов написал «Дядю Ваню» так, как он написал. Я только потрогала поверхность этой загадки.